

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Айдар Лазаревич Иванов

Первый заместитель прокурора Республики Саха
(Якутия), кандидат юридических наук
E-mail: aidar-ivanov@yandex.ru

Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность: процессуальный аспект реализации

Аннотация: на основе анализа уголовного и уголовно-процессуального законодательства выявлены обстоятельства, исключающие уголовную ответственность, помимо тех, которые предусмотрены в ст. 37–42 УК РФ. Обращается внимание на двойственное значение таких обстоятельств в уголовно-правовом и уголовно-процессуальном аспектах. С учетом правоприменительной практики дается критическая оценка прекращения уголовного дела или уголовного преследования при наличии некоторых из них, в частности, в связи с отсутствием в деянии состава преступления, высказаны предложения по совершенствованию законодательства в этой части.

Ключевые слова: обстоятельства, исключающие уголовную ответственность, прекращение уголовного дела или уголовного преследования, отсутствие в деянии состава преступления, признаков преступления, процессуальная форма.

Ajdar Lazarevich Ivanov

First Deputy Prosecutor of the Republic of Sakha
(Yakutia), Candidate of juridical science

Circumstances Which Exclude Criminal Responsibility: Procedural Aspect of Realization

Annotation: the author of the article uses the analysis of criminal and procedural legislation to find out circumstances which exclude criminal responsibility except otherwise required by paragraph 37–42 of the Criminal Code of the Russian Federation. The author underlines dual meaning of such circumstances in criminal-legal and criminal-procedural aspects. Allow for the low-enforcement practice the author gives critical view on cases of termination of criminal case or criminal proceeding caused by this kind of circumstances. For instance the author gives advice about development of the legislation in event of termination of criminal case because of absence of corpus delicti.

Keywords: circumstances excluding criminal responsibility, the termination of criminal proceedings or criminal prosecution, no offence, crime procedural form.

Рассуждения об обстоятельствах, исключающих уголовную ответственность, в литературе обычно основаны на анализе уголовного закона и фокусируются они, как правило, на рассмотрении положений, предусмотренных в ст. 37–42 УК РФ. Между тем уже высказывались суждения

о том, что круг таких обстоятельств, даже в рамках существующего уголовного законодательства, шире: к ним следует относить, в частности, малозначительность деяния, невменяемость, невинное причинение вреда, обстоятельства, определяемые в примечаниях к ст. 151, 308, 316, 322 УК РФ¹. Однако близкие по своей юридической природе обстоятельства предусмотрены и в уголовно-процессуальном законодательстве. Речь идет об обстоятельствах, регламентированных в пп. 1, 2 ч. 1 ст. 24, п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ. С юридической точки зрения отсутствие события преступления, состава преступления или непричастность лица к совершенному преступлению — это, на наш взгляд, также обстоятельства, исключающие уголовную ответственность. Причем, некоторые из них можно толковать двояко: например, отсутствие в деянии состава преступления выступает и самостоятельным основанием прекращения уголовного дела или уголовного преследования, и процессуальной формой исключения уголовной ответственности при наличии обстоятельств, предусмотренных, например, ч. 2 ст. 14, ст. 37–42 УК РФ.

Что касается процессуальной формы, в которую на практике облакается малозначительность деяния, мы не случайно говорим именно о практике применения ч. 2 ст. 14 УК РФ, поскольку в уголовно-процессуальном законодательстве специального основания прекращения уголовного дела или уголовного преследования на этот случай не предусмотрено. Уголовно-процессуальный закон просто не содержит понятия малозначительности деяния. Практика же, в том числе и судебная, в целом стабильно единообразно реагирует на такие ситуации, прекращая уголовные дела со ссылкой на п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ². Интересно, однако, обоснование таких решений. Так, в Определении Верховного Суда РФ от 5 сентября 2013 г. № 208-Д13-3 по делу О. А. Костыри говорится о том, что *в действиях осужденной формально содержатся признаки деяния, предусмотренного ч. 1 ст. 116 УК РФ*, но в силу малозначительности они не представляют общественной опасности, поэтому обжалуемые судебные решения подлежат отмене, а уголовное дело — прекращению *за отсутствием состава преступления*³. Как представляется, перед нами взаимоисключающие суждения: сначала утверждается наличие признаков деяния, предусмотренного ч. 1 ст. 116 УК РФ, т. е. состава преступления, предусмотренного этой статьей Кодекса, а потом говорится об отсутствии этого же самого состава преступления. В связи с этим в литературе справедливо замечено, что «при малозначительности деяния следует апеллировать не к составу преступления,

¹ См., напр.: Пархоменко С. В. Социально-правовое значение обстоятельств, исключающих преступность деяния // Российский судья. 2004. № 3. С. 35–37; Савинский А. В. О перечне обстоятельств, исключающих преступность деяния // Российская юстиция. 2014. № 5. С. 57–59.

² См., напр.: Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за первый квартал 2011 г. : утв. Президиумом Верховного Суда РФ 1 июля 2011 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 9; Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 13 июня 2007 г. № 243П07. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Определение Верховного Суда РФ от 28 февраля 2005 г. № 76-004-12. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

не к отсутствию его элементов или признаков, их характеризующих, в совершенном деянии, а к признакам именно преступления, исчерпывающим образом определенных в ч. 1 ст. 14 УК РФ»¹. В свете этого предложения интересно другое решение высшей судебной инстанции страны. В определении Верховного Суда РФ по делу М. Н. Кравченко отмечается, что ее действия «формально содержат признаки преступления, предусмотренного п. “в” ч. 1 ст. 256 УК РФ, но в силу малозначительности не представляют общественной опасности». В результате было вынесено определение об обоснованности постановления районным судом в отношении М. Н. Кравченко *оправдательного приговора*². Еще раз подчеркнем, что в последние годы правоприменитель, оценивая деяние по ч. 2 ст. 14 УК РФ, стабильно прекращает такие дела со ссылкой на п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ. Но тогда получается, что последнее из приведенных выше судебных решений более обоснованно, чем другие, поскольку в этих «других» решениях материальное содержание «облекается в ненадлежащую процессуальную форму: вместо того, чтобы говорить об отсутствии одного из признаков преступления – общественной опасности, мы говорим об отсутствии признаков состава преступления. Однако иных оснований прекращения уголовного преследования по реабилитирующим основаниям уголовно-процессуальный закон... не знает»³. Другими словами, если бы по делу М. Н. Кравченко не был постановлен оправдательный приговор, то другие реабилитирующие основания прекращения уголовного дела или уголовного преследования в отношении нее в уголовно-процессуальном законе было бы трудно найти. В таких случаях нельзя говорить ни об отсутствии события преступления или состава преступления, ни о непричастности к преступлению, поскольку названные обстоятельства считаются реабилитирующими в уголовно-процессуальном законодательстве (пп. 1, 2 ч. 1 ст. 24, п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ) и в практике его применения⁴.

Следует отметить, что уголовно-процессуальный закон не содержит не только понятия малозначительности деяния, но и собственно «обстоятельств, исключаящих преступность деяния» в терминологии названия гл. 8 УК РФ. При условии правомерности деяний, совершенных при наличии названных обстоятельств, уголовные дела в таких случаях на практике прекращаются со ссылкой на отсутствие в деянии состава преступления (п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ). Однако, как и в случае с малозначительностью деяния, интересна аргументация принимаемых в такой процессуальной форме решений. Так, по делу В., обвиняемого по ч. 1 ст. 108 УК РФ, суд апелляционной инстанции отменил приговор нижестоящего суда со следующим обоснованием своего решения: «В. находился в состоянии необходимой обороны, защищаясь

¹ Звечаровский И. Отграничение преступного от непроступного в уголовном законе: материальные последствия и процессуальная форма // Уголовное право. 2013. № 3. С. 98.

² См.: Определение Верховного Суда РФ от 3 августа 2006 г. № 64-ДП06-11. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ Звечаровский И. Отграничение преступного от непроступного в уголовном законе: материальные последствия и процессуальная форма // Уголовное право. 2013. № 3. С. 99–100.

⁴ См.: Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2013 году. М., 2014. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 05.02.2015).

от посягательства, опасного для его жизни, а поэтому причинение им смерти нападавшему Т. А. И., в силу ч. 1 ст. 37 УК РФ, *не является преступлением*. С учетом изложенного приговор суда подлежит отмене, а уголовное дело в отношении В. — прекращению *за отсутствием в его действиях состава преступления*, на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ» (курсив наш. — А. И.)¹. В отличие от порядка прекращения дел в связи с малозначительностью деяния, перед нами несколько иная комбинация: сначала следует утверждение о том, что содеянное не является преступлением, а затем — об отсутствии в содеянном составе преступления. И подобным образом, насколько нам известно, на практике оформляются все дела об обстоятельствах, исключающих преступность деяния². Подтвердил ее состоятельность и Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление», в п. 30 которого сказано: «Разъяснить судам, что в случаях правомерного причинения вреда в состоянии необходимой обороны или при задержании лица, совершившего преступление, основанием вынесения оправдательного приговора или постановления (определения) о прекращении уголовного дела является отсутствие в деянии состава преступления»³.

Различия в обосновании решений о прекращении уголовных дел при малозначительности деяния (ч. 2 ст. 14 УК РФ) и при обстоятельствах, исключающих преступность деяния (в частности, по ст. 37 УК РФ), когда в первом случае говорится о формальном наличии признаков преступления, а во втором — о том, что содеянное не является преступлением, при том, что обе ситуации облекаются в одну процессуальную форму «отсутствие в содеянном составе преступления», не имеют принципиального значения. Их можно объяснить только тем, что правоприменитель в последнем случае воспроизводит начало редакции ч. 1 ст. 37 УК РФ «не является преступлением...», а в первом — почему-то конец редакции ч. 2 ст. 14 УК РФ «формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного настоящим Кодексом». Между тем малозначительное деяние также «не является преступлением...», а деяние, совершенное при обстоятельствах, исключающих его преступность, также формально уголовно-противоправно, поскольку причиняет вред охраняемым уголовным законом отношениям. В противном случае, как отмечает И. Звечаровский, оно вообще бы не интересовало уголовный закон⁴.

С распространенным на практике прекращением уголовных дел за отсутствием в деянии состава преступления (п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ) при добровольном отказе от доведения преступления до конца (ст. 31 УК РФ) его правовым

¹ Апелляционное постановление Московского городского суда от 4 сентября 2014 г. по делу № 10-10349/14. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² См., напр.: Причины отмены и изменения приговоров, постановленных судами Московской области за 9 месяцев 2010 года : обзор кассационной практики Московского областного суда. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 11.

⁴ Звечаровский И. Отграничение преступного от непроступного в уголовном законе: материальные последствия и процессуальная форма // Уголовное право. 2013. № 3. С. 97.

последствием по сути также выступает исключение уголовной ответственности. Не случайно в литературе такой отказ порой прямо относят к числу обстоятельств, исключающих преступность деяния¹. Не углубляясь в дискуссию о том, как трактовать законодательную формулировку «не подлежит уголовной ответственности», используемую при обозначении правовых последствий добровольного отказа в ч. 2 ст. 31 УК РФ, отметим, что такая правоприменительная практика представляется нам сомнительной потому, что неоконченные по воле лица преступления с юридической точки зрения ничем не отличаются от неоконченных преступлений по не зависящим от лица обстоятельствам. И в том и в другом случаях имеет место неоконченное преступление, ответственность за которое согласно ч. 3 ст. 29 УК РФ «наступает по статье настоящего Кодекса, предусматривающей ответственность за оконченное преступление со ссылкой на ст. 30 настоящего Кодекса». Другими словами, неоконченное в связи с добровольным отказом преступление — это также преступление, которое должно отражаться в официальной статистике независимо от того, как прекращается уголовное дело в этом случае: в соответствии с ч. 3 ст. 29 или ч. 2 ст. 31 УК РФ. Прекращение же его в связи с отсутствием в деянии состава преступления позволяет вообще не возбуждать уголовное дело, а соответственно и не учитывать содеянное до добровольного отказа как неоконченное преступление.

Исходя хотя бы из того, что в общем количестве осужденных удельный вес осужденных за неоконченное преступление составляет около 9 %², можно предположить, что количество лиц, добровольно отказавшихся от доведения преступления до конца, не так мало. При существующей практике применения ст. 31 УК РФ нельзя исключать и возможные злоупотребления со стороны органов, ее применяющих, в части сокрытия от учета неоконченных преступлений, на что справедливо обращалось внимание в литературе³. Поэтому было бы правильным считать уголовно-правовым последствием добровольного отказа от доведения преступления до конца не исключение уголовной ответственности, а освобождение от нее по нереабилитирующим основаниям. В связи с этим необходимо, во-первых, внести уточнение в ст. 31 УК РФ и, во-вторых, предусмотреть в УПК РФ самостоятельное основание прекращения уголовного дела (преследования), аналогичное деятельному раскаянию (ст. 28, 28.1 УПК РФ). Поскольку подобное предложение уже высказывалось в литературе⁴, но до настоящего времени оно остается без внимания законодателя, было бы целесообразно осветить этот вопрос в одном из постановлений Пленума Верховного Суда РФ, посвященном практике прекращения уголовных дел по нереабилитирующим основаниям.

¹ См., напр.: *Петров А. В.* Надзор за законностью отказа в возбуждении уголовного дела // *Законность*. 2013. № 7. С. 19.

² См.: Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2013 год. Ф.10.1 [Электронный ресурс]. Судебный департамент при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.sdep.ru> (дата обращения: 05.02.2015).

³ См., напр.: *Орлова А. И.* Добровольный отказ от преступления : проблемы теории и практики : автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Красноярск, 2007. С. 3.

⁴ См.: *Звечаровский И. Э.* Добровольный отказ от доведения преступления до конца. СПб., 2008. С. 86.

С учетом сказанного в отношении обстоятельств, исключающих уголовную ответственность, представляется целесообразным, во-первых, расширить содержание гл. 8 УК РФ путем включения в ее содержание положений, предусмотренных ч. 2 ст. 14 УК РФ, а, во-вторых, предусмотреть в ст. 24 УПК РФ самостоятельное основание прекращения уголовного дела или уголовного преследования «при наличии обстоятельств, исключающих преступность деяния»¹. По нашему мнению, это вполне соответствует содержанию уголовного закона, регламентирующего понятия преступления и состава преступления все-таки как самостоятельные понятия.

С предлагаемым нами изменением практики прекращения уголовного дела или уголовного преследования за отсутствием состава преступления при наличии обстоятельств, исключающих преступность деяния, предусмотренных в ч. 2 ст. 14, ст. 37–42 УК РФ, что же останется на долю основания, предусмотренного п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ? Отвечая на этот вопрос, профессор И. Звечаровский назвал три ситуации, при которых отсутствуют признаки не преступления, а состава преступления: совершение уголовно-противоправного деяния лицом, не достигшим возраста уголовной ответственности (ст. 20 УК РФ), в состоянии невменяемости (ч. 1 ст. 21), а также при невиновном причинении вреда (ст. 28 УК РФ). По мнению автора, именно эти ситуации могут подпадать под такое процессуальное основание для отказа в возбуждении уголовного дела, его прекращения или прекращения уголовного преследования, как отсутствие в деянии состава преступления (п. 2 ч. 1 ст. 24, п. 2 ч. 1 ст. 27, п. 3 ч. 2 ст. 302 УПК РФ)².

На наш взгляд, названная позиция требует уточнения по двум моментам. Во-первых, невиновное причинение вреда отношениям, охраняемым уголовным законом, — это обстоятельство, свидетельствующее об отсутствии признака не состава преступления, а самого преступления, что следует из содержания ч. 1 ст. 14 УК РФ. Об отсутствии состава преступления можно говорить лишь тогда, когда установлено несоответствие формы или вида вины в содеянном форме или виду вины, предусмотренным конкретным составом преступления. В связи с этим приведенный перечень обстоятельств, исключающих преступность деяния (ч. 2 ст. 14, ст. 37–42 УК РФ), может быть дополнен указанием еще и на ст. 28 УК РФ.

Во-вторых, отмеченное несоответствие может наблюдаться и по всем иным элементам и признакам состава преступления. Поэтому под действие п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, на наш взгляд, должны подпадать и те ситуации, при которых отсутствуют действительно элементы того или иного состава преступления или признаки, их характеризующие, не упоминаемые законодателем при определении понятия преступления в ч. 1 ст. 14 УК РФ. К числу таких ситуаций следует отнести: невменяемость, недостижение возраста уголовной ответственности, отсутствие требуемой законом формы и вида вины, признаков объективной стороны конкретного состава преступления и т. д. Такая практика, как известно,

¹ См.: Звечаровский И. Отграничение преступного от не преступного в уголовном законе: материальные последствия и процессуальная форма // Уголовное право. 2013. № 3. С. 100.

² Там же. С. 101.

сложилась, и она вполне отвечает требованиям и уголовного, и уголовно-процессуального законодательства. Так, например, по делу Г. президиум Московского областного суда признал его осуждение по ч. 1 ст. 129 УК РФ необоснованным и отменил состоявшиеся судебные решения в соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ на том основании, что «данных о том, что Г., распространяя заведомо ложные сведения, порочащие честь и достоинство П., действовал с прямым умыслом, в деле нет. Кроме того, одни и те же действия Г., допустившего в адрес потерпевшего П. в присутствии посторонних лиц оскорбительное высказывание, назвав его в неприличной форме лицом с нетрадиционной сексуальной ориентацией, суд квалифицировал двумя статьями уголовного закона – по ст. 129 ч. 1, 130 ч. 1 УК РФ. Однако из материалов дела следует, что умысел осужденного при этом был направлен на оскорбление потерпевшего»¹. По делу К. в определении судебной коллегии Московского городского суда отмечалось, что действия К., связанные с передачей другому лицу ксерокопии паспорта, выданного на его оперативный псевдоним с фотографиями для оформления водительского удостоверения, и последующее получение муляжа водительского удостоверения не могут образовывать состав преступления, предусмотренный ч. 1 ст. 285 УК РФ, поэтому приговор суда в указанной части в отношении осужденного подлежит отмене, а уголовное дело – прекращению на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, в связи с отсутствием состава преступления². Эта же коллегия прекратила производство по делу М., обвиняемого в преступлении, предусмотренном ч. 1 ст. 167 УК РФ, на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ в связи с тем, что признак инкриминируемого М. преступления «причинение значительного ущерба» установлен не был³.

Пристатейный библиографический список

1. Звечаровский, И. Э. Добровольный отказ от доведения преступления до конца / И. Э. Звечаровский. – СПб : Юридический центр Пресс, 2008. – 88 с.

2. Звечаровский, И. Отграничение преступного от не преступного в уголовном законе: материальные последствия и процессуальная форма // Уголовное право. – 2013. – № 3. – С. 97–101.

3. Орлова, А. И. Добровольный отказ от преступления: проблемы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. И. Орлова. – Красноярск, 2007. – 21 с.

4. Пархоменко, С. В. Социально-правовое значение обстоятельств, исключающих преступность деяния // Российский судья. – 2004. – № 3. – С. 35–37.

5. Петров, А. В. Надзор за законностью отказа в возбуждении уголовного дела // Законность. – 2013. – № 7. – С. 16–21.

¹ См.: Постановление президиума Московского областного суда от 9 февраля 2011 г. № 48 по делу № 44У-23/11. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² См.: Определение Московского городского суда от 7 февраля 2011 г. по делу № 22-1348. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ См.: Кассационное определение Московского городского суда от 12 декабря 2011 г. по делу № 22-15084/11. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

6. Савинский, А. В. О перечне обстоятельств, исключающих преступность деяния // Российская юстиция. — 2014. — № 5. — С. 57–59.

References

1. Orlova, A. I. Dobrovol'nyj otkaz ot prestuplenija: problemy teorii i praktiki [Voluntary renunciation of crime: Theory and Practice] : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk / A. I. Orlova. — Krasnojarsk, 2007. — 21 p.

2. Parhomenko, S. V. Social'no-pravovoe znachenie obstojatel'stv, isključajushhijh prestupnost' dejanija [Social and law meaning of circumstances excluding criminal background of an act] // Rossijskij sud'ja. — 2004. — № 3. — P. 35–37.

3. Petrov, A. V. Nadzor za zakonnost'ju otkaza v vobuzhdenii ugolovnogogo dela [Supervision over the legality of the refusal to institute criminal proceedings] // Zakonnost'. — 2013. — № 7. — P. 16–21.

4. Savinskij, A. V. O perechne obstojatel'stv, isključajushhijh prestupnost' dejanija [On the list of circumstances excluding criminal background of an act] // Rossijskaja justicija. — 2014. — № 5. — P. 57–59.

5. Zvecharovskij, I. Je. Dobrovol'nyj otkaz ot dovedenija prestuplenija do konca [Voluntary renunciation to complete the crime] / I. Je. Zvecharovskij. — SPb : Juridicheskij centr Press, 2008. — 88 p.

6. Zvecharovskij, I. Otgranichenie prestupnogo ot neprestupnogo v ugolovnom zakone: material'nye posledstvija i processual'naja forma [Delimitation criminal from non-criminal in the criminal law: the material consequences and procedural form] // Ugolovnoe pravo. — 2013. — № 3. — P. 97–101.